

АЛЕКСЕЙ ДУДАРЕВ

ИСПОВЕДЬ ГРЕШНОГО СЫНА

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БУСЛАЙ АНДРЕЙ

МАТЬ

ОТЕЦ

АЛИНА

ДРАГУН

НИКОЛАЙ

НИНА

ГРИШУТКА

ШАРГАЕВ

МИЛИЦИОНЕР

КРАСОВСКИЙ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая комната в городской квартире. На стене в деревянных рамках фотографии, иконы. Рамки обрамлены длинными вышитыми рушниками. На диване спит БУСЛАЙ.

Звонит телефон.

БУСЛАЙ (*хрипло*). Бэра! Выключи будильник...

Телефон.

Выключи будильник, паразит!

Телефон.

Поднимается с диван, осматривается. Идет к окну, выглянул на улицу. И вдруг испуганно шарахнулся в сторону. Тяжело дыша опять подходит, осторожно заглядывает куда-то вниз, трясет головой.

Ничего себе шуточки...

Внимательно осматривает квартиру, ничего не понимает.

Подходит к иконе, трогает рукой рушник.

Да что же это такое?! Сплю я, что ли?

Телефон. Буслай снимает трубку.

Алло... Не знаю... Ничего не знаю... (*Кладет трубку, снимает, набирает номер.*) Скажите, пожалуйста, какой это город?.. Да не валяю я дурака, а в самом деле... (*Пауза.*) Послушай, Цифра, тебе что, тяжело сказать, какой это город?.. Да знаю я, какой год! И месяц знаю! Что-о! А чего это я в Дубровенске!.. Не знаешь? И я не знаю. А который теперь час?.. Ну спасибо... (*Положил трубку, махнул рукой.*) А-а-а, один черт! Должен же кто-нибудь когда-нибудь сюда прийти... (*Ходит по квартире, исчезает.*)

Стукнула дверь, в комнату вошла АЛИНА. Она садится на табурет, закуривает. Появляется БУСЛАЙ.

АЛИНА (испуганно). А-а-а!

БУСЛАЙ (тоже испугался). Чего ты?!

АЛИНА. Откуда вы?

БУСЛАЙ. Из туалета.

АЛИНА. Стойте и не шевелитесь... Иначе буду кричать!

БУСЛАЙ. Не надо.

АЛИНА. Не подходите!

БУСЛАЙ. Я тебе сказал – не ори!

АЛИНА подходит к телефону. БУСЛАЙ бросается к ней.

Нет, дорогуша, звонить в милицию ты не будешь!

АЛИНА. Не подходите!

БУСЛАЙ. Да я не вор, а простой алкоголик... Живу в поселке Светлом без регистрации, так что с милицией у меня отношения испорченные... Положи трубку!

АЛИНА. Хорошо... Тогда говорите: что вы тут делали?

БУСЛАЙ. Спал... А до этого не знаю. Я чуть не рехнулся в этой квартирке! Просыпаюсь – хата деревенская... Из окна выглянул – земля внизу! Ну, думаю, допился – хата в воздух поднялась... И какой псих тут живет?

АЛИНА (резко). Как вы сюда попали?

БУСЛАЙ. Чего ты орешь? Ты что, хозяйка, что ли? Сама, наверно, затащила в постель, а теперь бушует...

АЛИНА. Что-о? Тебя в постель? Глянь в зеркало, лапоть... Тебя в гроб пора класть, а не в постель... Ты же синий...

БУСЛАЙ. Это синдром...

АЛИНА. Какой синдром?

БУСЛАЙ. Похмельный, темнота...

АЛИНА. Та-ак, алкоголик, значит?

БУСЛАЙ. Профессиональный алкоголик.

АЛИНА. Очень приятно...

БУСЛАЙ. Дай глотнуть что-нибудь.

АЛИНА. Кто тебя привел сюда?

БУСЛАЙ. Я же тебе говорил: ничего не помню. Ни бум-бум! Я даже не знаю, как в вашем Дубровенске очутился, а ты: кто привел, как попал...

АЛИНА. Откуда ты знаешь, что это Дубровенск?

БУСЛАЙ. Звонил в справочное.

АЛИНА. Ну, герой... Может ты сам приполз сюда?

БУСЛАЙ. Какой это этаж?

АЛИНА. Девятый.

БУСЛАЙ. Вряд ли. Чего бы это я полз до девятого... И кто бы меня сюда пустил?

АЛИНА. Это не проблема. Квартира не закрывается...

БУСЛАЙ. Как это? Без замка городская квартира? Хозяин чокнутый?

АЛИНА. Замолчи! Ты хоть знаешь, чья это квартира?

БУСЛАЙ. Ну?

АЛИНА. Максима Пакутовича...

БУСЛАЙ. А это кто?

АЛИНА (*удивленно*). Ты не знаешь Пакутовича?

БУСЛАЙ. А ты Бэру знаешь?

АЛИНА. Какую еще Бэру?

БУСЛАЙ. Не какую, а какого... А-а, не знаешь... У каждого своя компания...

АЛИНА. Это известный писатель... Его уже в школе изучают. Неужели не читал?

БУСЛАЙ. Ага, мне только еще читать книжки осталось, и все в порядке... Что ты говоришь? Писатель?!

АЛИНА. Вот что, уважаемый, отдохнул, выпался, сходил куда следует, а теперь собирай манатки и шуруй отсюда...

БУСЛАЙ. А чего это ты тут раскомандовалась? Ты жена этого писателя?

АЛИНА. Нет.

БУСЛАЙ. Родственница?

АЛИНА. Не твое дело!

БУСЛАЙ. А-а-а...

АЛИНА. И не «а-а-а»! Я его пациентка...

БУСЛАЙ. Кто-о? Пациентка?

АЛИНА. Представь себе!

БУСЛАЙ. Ну так вот что, пациентка... Становись в очередь и жди доктора... Психбольница, а не дом! Тебя как зовут?

АЛИНА. Алиной...

БУСЛАЙ. Имя какое-то... французское...

АЛИНА. Я его не выбирала... В детдоме дали.

БУСЛАЙ. Ты сиротка?

АЛИНА. Подкидыш я.

БУСЛАЙ. А я выкидыш. Слушай, а может это он меня сюда затащил? В пациенты, на исследование, как подопытного кролика...

АЛИНА. Не похоже. Ничего интересного в тебе нету.

БУСЛАЙ. А я, может, интересен тем, что совсем-совсем неинтересный. Во мне ничего нету, и мне ничего не надо. А говорят, чем меньше человеку надо – тем он лучше и интереснее...

АЛИНА. Философ...

БУСЛАЙ. Я иногда таким умным бываю, аж страх берет... Твой писатель, наверно, из-за этого притащил меня к себе... Какой живой персонаж. Вот вчера, видимо, когда мы с ним кирили...

АЛИНА. Да не мог он с тобой пить...

БУСЛАЙ. Откуда ты знаешь?

АЛИНА. Он не пьет...

БУСЛАЙ. Совсем?

АЛИНА. Совсем... Водка против природы.

БУСЛАЙ. Не понял!

АЛИНА. Это зелье изобретено человеком... В естественном состоянии спирт не встречается... Это результат распада, гниения... Ни одно животное спирт не употребляет.

БУСЛАЙ. Человек не животное, дорогуша... У него в этом котелке (*постучал по голове*) мысли разные. Если собаку научить думать, и собака запыет... И не курит?

АЛИНА. Нет. Это тоже против природы...

БУСЛАЙ. Ну, а остальное ведь по природе... Хорошо он тебя тут... лечит?

АЛИНА подходит и со всего размаха бьет БУСЛАЯ по щеке.

АЛИНА (*очень спокойно*). Я тебе сказала, хамло, он святой человек! Если еще какую-нибудь пошлятину ляпнешь о нем, я могу тебя убить. Слышишь?

БУСЛАЙ. Дай что-нибудь выпить! Мне жить не хочется.

АЛИНА. Придет хозяин, у него и попросишь...

БУСЛАЙ. Ну пожалей ты меня! Рюмашку, маленькую... А!

АЛИНА. Сейчас кофе сварю, выпьешь, полегчает...

БУСЛАЙ. Что мне твое кофе! Найди хоть глоток... Меня лихорадка начинает бить... Ты думаешь, я ваньку валяю? Это же болезнь...

АЛИНА. Ужас! (*Уходит на кухню.*)

БУСЛАЙ (*корчится на кровати*). Господи, как тяжело...

С досады бьет кулаком по стене. И вдруг небольшой квадратик стены поворачивается вокруг оси, и открывается вделанный в стену бар с темными бутылками и прозрачными рюмками. БУСЛАЙ как во сне поднимается, дрожащими руками хватая бутылку, вытаскивает пробку зубами, припадает ртом к горлышку. Входит АЛИНА.

АЛИНА. Что? Что ты делаешь? (*Подбежала и вырвала из его рук бутылку.*) Ты знаешь, что ты выхлестал?

БУСЛАЙ. Один черт!

АЛИНА. Этому коньяку сто лет!

БУСЛАЙ. Смотри ты! Дай-ка сюда, я не распробовал еще...

АЛИНА (*прячет бутылку в бар*). Перебьешься...

БУСЛАЙ. Ладно! Я уже в норме... Ты знаешь, Алина, мне Бэра говорил, что Иисус Христос, как только научился чудеса творить, первое, что учудил, – превратил воду в вино... Во! Кто-кто, а уж Христос-то знал, что человеку надо... Чего ты смотришь? Это по Библии так... Ух, если бы я эти чудеса мог выделывать! Я бы ее, родненькую, в водопровод пустил бы...

АЛИНА. Ты даже Библию читал?

БУСЛАЙ. Бэра читал. У него бабуся сектантка.

АЛИНА. Бэра такой же, как и ты, конечно?

БУСЛАЙ. Ты что-о? Он на службе... Кочегар! А я у него приживала. С осени уже.

АЛИНА. Ты из деревни?

БУСЛАЙ. Ага...

АЛИНА. Семья есть?

БУСЛАЙ. Есть. И жена есть. Замуж недавно вышла... Все есть, одного меня нету...

АЛИНА. Как тебя город испортил, бедного...

БУСЛАЙ. Я, Алина, в город уже приехал испорченный. При чем здесь город? Чего ты так смотришь на меня?

АЛИНА. У нас в детдоме во дворе колодец был... Глянешь – страшно становится... Вот я сейчас глянула в твои глаза и этот колодец вспомнила...

БУСЛАЙ. Что, пустые?

АЛИНА. Глубокие у тебя глаза...

БУСЛАЙ. Смотри не влюбись.

АЛИНА. И мертвые...

БУСЛАЙ. А то у тебя живые?

АЛИНА. И у меня мертвые... Вот он скоро придет – увидишь живые... Посмотрит – тебе хочется сердце свое открыть...

БУСЛАЙ. Или кофточку расстегнуть...

АЛИНА. Я тебя предупреждала, подонок... *(Молча идет на Буслая.)*

БУСЛАЙ. Ну-ну-ну! Ты что, ненормальная!

АЛИНА. Я тебя предупреждала...

БУСЛАЙ. Я же пошутил...

Открывается дверь. На пороге ДРАГУН. Худощавый юноша лет двадцати.

ДРАГУН. Здравствуйте...

БУСЛАЙ. Здоров, друг! Ты хозяин? Если хозяин – уйми ты эту пантеру...

ДРАГУН. Успокойся, Алина...

АЛИНА *(Буслаю)*. Вон отсюда!

ДРАГУН. Алина! Он пришел не к тебе... *(Подает журнал.)* Вот прочти и успокойся... Это о тебе... Только что купил в киоске.

АЛИНА берет журнал, отходит в сторону, читает.

БУСЛАЙ *(с наглой улыбкой, Драгуну)*. Значит, так... зовут меня Андрей Буслай...

ДРАГУН. Ну что же, будем завтракать, Андрей... Как спалось на новом месте?

БУСЛАЙ. Клево! *(Кивнул на Алину.)* Как я понял, что-то такое ты о ней написал... О ней можно написать, она чокнутая, а я еще лучше... Всю душу тебе выверну, как помойное ведро... Пиши! Прославляйся! А мне за это только утром и вечером по рюмашке. Идет?

ДРАГУН. Нет.

БУСЛАЙ. Неужели тебе не интересно узнать, как я дожил до такого?

ДРАГУН. Нет. Не интересно.

БУСЛАЙ. Вы же, писаки, только про ненормальных и пишете, а я ... Я уже и не человек, можно считать.

ДРАГУН. Я не писатель, я здесь только живу...

БУСЛАЙ. А-а, тоже пациент... Тогда я хозяина подожду...

ДРАГУН. Он сказки пишет... И потом ты ведь себя за человека не считаешь, а он пишет о людях...

БУСЛАЙ. Так на кой черт он меня затащил сюда?

ДРАГУН. Никто тебя никуда не таскал... Он возвращался вчера из Светлого и подобрал тебя за городом. Ты лежал в сугробе, прикрывшись газетой.

БУСЛАЙ. А где же он сейчас?

ДРАГУН. В поликлинике. Когда он тебя грузил в машину, ты разбил ему очки и стеклом порезал лицо...

БУСЛАЙ (*поспешно*). А-а, так я, того... пойду... Я же могу сейчас пойти?

ДРАГУН. Конечно...

БУСЛАЙ. Только дай денегат малость, раз вы тут такие добрые... Я же из Светлого. Доехать мне надо?

ДРАГУН. Бери... (*Подает деньги.*)

БУСЛАЙ. Ты что? На пиво даже не хватает.

ДРАГУН. Гуляй...

БУСЛАЙ. Ну и жмоты вы! Живут, понимаешь, как графья, коньяк французский глушат, хату под крестьянина сварганили... Передайте вашему писателю, что я на него плюю! Вот так вот: тьфу, и все!

ДРАГУН. Передам...

БУСЛАЙ. Пускай в деревню едет, а тут комедию не ломает. (*Уходит.*)

АЛИНА. Хамло неблагодарное!

ДРАГУН (*резко*). Алина! Он ведь просил тебя: никогда и ни о ком, кроме себя, не говорить плохо...

АЛИНА. Но ты же слышал, что он тут...

ДРАГУН. Ему можно. Тебе – нет.

АЛИНА. Прости.

Открывается дверь. Это вернулся БУСЛАЙ.

БУСЛАЙ. Я на минутку... Зачем он меня подобрал вчера пьяного?

ДРАГУН. А разве ты не подобрал бы его? Если бы он лежал в снегу?

БУСЛАЙ. Я – другое дело... А ему зачем было?

ДРАГУН. Видимо, не хотел, чтобы ты концы там отдал к утру.

БУСЛАЙ. А почему он не сдал меня в милицию? Завез бы, выгрузил – и никаких забот...

ДРАГУН. Не по дороге было...

БУСЛАЙ. Дай выпить!

ДРАГУН. Кто пьет или дает пить другому – совершает преступление против природы...

БУСЛАЙ (*шепотом*). Слушайте, ребята, а может, вы какие-нибудь сектанты? А? Так я могу и помолиться с вами за компанию, только дайте выпить...

ДРАГУН. Да-а, дожил ты... Во сне такое не приснится... Бывай здоров!

БУСЛАЙ. Во чудики! (*Уходит.*)

Пауза. АЛИНА положила журнал на колени, вздохнула.

ДРАГУН. Прочла?

АЛИНА. Сказка... Добрая сказка...

Затемнение

На печи старая МАТЬ Буслая.

На диване спит ОТЕЦ. Ночь.

МАТЬ (*бредит*). Андрей... Андрюшенька...

ОТЕЦ (*поднимает голову*). Маруся! Чего это ты?

МАТЬ. Митик... Это ты?

ОТЕЦ. Кто же еще?

МАТЬ. Ой, приснилось мне что-то нехорошее про Андрея... Как будто поле заснеженное, глазом не охватить... Ни деревца, ни кустика... И он стоит среди этого поля босой, без рубашки, в одном исподнем... Бегу к нему, а он стоит не шевельнется, и только слезы по щекам да на снег... Капнут и красным пятном расходятся, кровь как будто... Нехорошее что-то с ним.

ОТЕЦ. Спи.

МАТЬ. И чем же это мы так согрешили, Митик, что Бог нас так невлюбил? Настеньку забрал, и Андрей по свету, как по темному лесу, шатается.

ОТЕЦ. Ну, завелась среди ночи...

МАТЬ. Я же чувствую, что помру скоро...

ОТЕЦ. Вот бабы... Сколько раз болеют – столько помирают...

МАТЬ. Грех сказать, поплакать на похоронах не будет кому...

ОТЕЦ. Хватит тебе! Вот петухи закукарекают, тогда и о смерти потолкуем.

Пауза.

МАТЬ. Говорят, что Микола Гришутку на свою фамилию записать хочет... Может, нам бы, Митик, высудить своего внученька как? А?

ОТЕЦ. Что это ты под старость судиться задумала?

МАТЬ. У него же есть батька, и фамилия его должна быть – Буслай... Григорий Буслай. Наша семья, наш род, наша кровь...

ОТЕЦ. С кем судиться? С родной матерью? С человеком, который кормит и растит его? С Николаем? Сам он, сынок наш, выбросил себя из жизни.

МАТЬ. Ну что же делать, если на него такое несчастье свалилось...

ОТЕЦ. Как несчастье?

МАТЬ. Кровь дурная. Все от родителей к детям переходит... А Андрей весь в тебя...

ОТЕЦ. А когда это я пил? Ты что?

МАТЬ. Не ты... Дед твой глотал ее, гадость эту, как конь из ведра.

ОТЕЦ. Ты еще Адама с Евой вспомни...

МАТЬ. Вот эта кровь хмельная и вылезла в нем...

ОТЕЦ. Ерш твою в лапти! Чего же ты его родила таким? Надо было своей крови больше добавить!

МАТЬ. Так ведь твоя горячая, упрямая... Она всегда верх возьмет...

Молчат.

ОТЕЦ. Давай-ка спать...

Пауза. Потом кто-то тревожно постучал в окно.

И кого это несет в такую рань? (*Подошел к окну, вглядывается в темноту.*)
Кто там?

ГОЛОС (*тревожно*). Я, я, дядька Митик... Николай.

ОТЕЦ. Сейчас открою, иди на крыльцо... (*Матери.*) Микола чего-то приперся...

МАТЬ. Чего ему надо?

ОТЕЦ. А я знаю?

ОТЕЦ поднимается, включает свет, идет в сени.

МАТЬ. Уж не с Гришуткой ли что?!

ОТЕЦ возвращается с НИКОЛАЕМ.

НИКОЛАЙ. Как здоровье, тетка Маруся?

МАТЬ. А ты на ночь глядя про мое здоровье спрашивать пришел? Говори!

НИКОЛАЙ. Я к дядьке... Мужской разговор... Иди сюда, дядька...

НИКОЛАЙ отводит старика в сторону.

НИКОЛАЙ (*шепотом*). Из района мне только-только звонили...
Участковый.

ОТЕЦ. Ну...

НИКОЛАЙ. В Дубровенск надо съездить вам... Что-то там с Андреем...

ОТЕЦ. Что с ним?

НИКОЛАЙ. Не знаю...

ОТЕЦ. Бреешь! По глазам вижу! Говори...

НИКОЛАЙ. Ну... кажется, нашли его... В Дубровенске...

ОТЕЦ. Кто нашел? Милиция?

НИКОЛАЙ. Ага...

ОТЕЦ. А что он натворил?

НИКОЛАЙ. Не то, дядька, не то... Под снегом его нашли...

ОТЕЦ. А чего под снегом? Под каким снегом?..

НИКОЛАЙ. Весна... Солнце пригрело, оттаял...

ОТЕЦ. Как же это? Убил его кто или как?

НИКОЛАЙ. Не знаю... Одним словом, участковый сказал: надо ехать на опознание... Может, и не он это еще...

ОТЕЦ. Ай, сынок...

НИКОЛАЙ. Я подвезу вас... (*Уходит.*)

ОТЕЦ какое-то время стоит посреди хаты. Потом начинает обуваться.

МАТЬ. Куда это ты?

ОТЕЦ. В Дубровенск...

МАТЬ. Чего?

ОТЕЦ обувается.

ОТЕЦ. Звонили Николаю... В Дубровенске нашли его мертвым под снегом...

МАТЬ (*с ужасом*). Кого?

ОТЕЦ. Андрея... Отпился сынок... Сам отмучился и всех отмучил...

МАТЬ (*вначале тихо, а потом все громче и громче*). А-а-аай! Сыно-очек!!!

Затемнение

Город. Квартира Пакутовича. Вечер. АЛИНА убирает.

Дверь осторожно приоткрывается, заглядывает БУСЛАЙ.

АЛИНА. Явился, философ...

БУСЛАЙ (*смуценно*). А ты еще не ушла? Так весь месяц и торчишь здесь?

АЛИНА. Зачем пришел? Ни стопки, ни денег ты здесь не получишь.

БУСЛАЙ. Мне бы хлебушка кусочек... Я уж забыл, когда ел... Бэра, елкина мать, удочки смотал куда-то. Я третий месяц за него котельную топлю, а

деньги этой сектантке посылают... Несколько раз бегал на вокзал, цемент разгружал, а последнюю неделю приболел, так кишки подтянуло, к хребту приросли... Дай что-нибудь покусать, и я пойду...

АЛИНА. Сейчас... *(Выходит на кухню.)*

БУСЛАЙ. А где хозяин?

АЛИНА *(из кухни).* Зачем он тебе?

БУСЛАЙ. Я его книжку читал...

АЛИНА. Что ты говоришь! Неужели в библиотеку ходил?

БУСЛАЙ. Купил. В киоске.

АЛИНА. Бери стул и садись к столу... Ешь...

БУСЛАЙ. А хлебушка?

АЛИНА. Сколько ты не ел?

БУСЛАЙ. Ну, сразу как заболел... Неделя... Дай хлеба...

АЛИНА. Съешь супа вначале... Потом хлеба дам.

БУСЛАЙ садится к столу, жадно хлебает суп.

АЛИНА с жалостью наблюдает за ним.

Боже мой! И не стыдно тебе так жить?

БУСЛАЙ. Нет... *(Ест.)*

АЛИНА. А почему ты домой не едешь?

БУСЛАЙ. Меня там не ждут... Мне не нужен никто, и я никому... *(Ест.)*

АЛИНА. Слушай, а почему тебя не заберут?

БУСЛАЙ. Куда?

АЛИНА. Ну, в спецлечебницу, что ли? Лечат ведь...

БУСЛАЙ. Все это ерунда! Я четыре раза лечился... Добровольно... Бывало, что запаха этой гадости не переносил...

АЛИНА. Какой гадости?

БУСЛАЙ. Водки...

АЛИНА. Гм...

БУСЛАЙ. Вот тебе и гм... От одного только запаха все выворачивало... Но все равно начинал пить. На сердце, если долго не пью, такая пустота, такой страх, такая боль... Нет, не боль, а тоска тягучая, которая сосет, сосет... У меня нервов не хватает трезвым долго быть. Очень много думать начинаю. Ты знаешь, пришел я однажды к этому... ну, что дураков лечит...

АЛИНА. Психиатр.

БУСЛАЙ. Ага! Пришел и говорю: пробейте вы мне череп и какую-нибудь жилку перережьте, чтобы я меньше думал, чтоб дурнее чуть стал, тогда я брошу пить, не надо уж будет... Ты же видела: выпьет человек, дурнее становится сразу, сидит, улыбается, глазенки сверкают, жизнью доволен, всех любит, всех перецеловать готов... Добрый, отзывчивый... Почему мы трезвые не такие?

АЛИНА. Это самообман. Так только кажется...

БУСЛАЙ. Если веришь в то, что кажется, – это уже не кажется, это уже есть.

АЛИНА. Ну и что психиатр?

БУСЛАЙ. Выгнал. Говорит, добровольно в идиоты не записываются. Люди за то время, которое они топчут эту землю, уже столько понавыдумывали,

уже столько изобретали... А разве они стали счастливее, лучше, чище? Холодно жить на свете, вот и подогревают себя...

АЛИНА. Откуда у тебя это в голове?

БУСЛАЙ. Не знаю, я с каким-то вывихом родился. Я не живу, а думаю... А от мыслей тошно делается. Выпью – все становится понятным, радостным, и все проблемы приятными делаются, просплюсь – все сначала.

АЛИНА. Неужели у всех, кто пьет, голова забита такими мыслями?

БУСЛАЙ. Да нет, наверное, не у всех... Не все чувствуют, что плохо, не так живут, потому и...

АЛИНА. Сейчас котлет принесу...

БУСЛАЙ. А может, и стопку дашь?

АЛИНА. В этом доме не пьют... Ешь...

БУСЛАЙ ест котлеты.

БУСЛАЙ. Так где же хозяин?

АЛИНА. Он скоро придет...

БУСЛАЙ. Налей, а?

АЛИНА. Не надо...

БУСЛАЙ. Ну тебе-то какое дело?

АЛИНА. Мне жаль тебя...

БУСЛАЙ. Ух ты! Месяц назад глаза хотела выцарапать, а теперь жалеет.

АЛИНА. Я за этот месяц словно в чистой кринице искупалась... Благодаря этому человеку...

БУСЛАЙ. Что он уж за человек такой, сказочник ваш?!

АЛИНА. Скоро придет. Увидишь... От него как будто лучи тепла исходят... Ты вот его не видел, переночевал только в его квартире, и уж не такой, как был раньше...

БУСЛАЙ. Не-е, я такой...

АЛИНА. В твоих глазах боль появилась...

БУСЛАЙ. А что ты хочешь? Неделю болел, не мог заработать... Не заработав, не выпьешь... Потому и боль... А твоему писателю я не верю!

АЛИНА. Твое дело...

БУСЛАЙ. Зло меня разбирает! Имеешь ты машину, живешь на широкую ногу, знают тебя все... Едешь, и езжай! Лежит человек – не твое дело! Есть кому поднимать... Поднимут! Так нет... Останавливается, тащит в машину, домой везет... Гляньте, какой я добрый! Никто не поднял пьяницу горького, а я посочувствовал... Я в нем человека вижу...

АЛИНА. Так и есть. Последнее ты сказал правильно...

БУСЛАЙ. Показуха все это.

АЛИНА. А не слишком ли у тебя много претензий к людям?

БУСЛАЙ. Это и к себе тоже. Была у меня сестричка, младшая, Настенька... Купаться пошла – утонула бедняга малая... Мать волосы на голове рвет, у отца виски засеребрились за один день, а я стою, хочу заплакать, ведь сестра родная, хочу – и не могу! Отупение какое-то нашло... Да нет, нет! Не от горя... Не жалко мне ее было! Понимаешь? Лежит сестричка, девятый класс кончила, в гробу, а у меня такие мысли: ну она пятнадцать лет отжила, мне

уже двадцать два, в шестьдесят или немного позднее и я лягу в этот пенал... Ну какая разница? Так она прожила свою коротенькую жизнь взволнованно, только чистоту видела во всем, а я... Кто же из нас больше выиграл? С ума сойти! На похоронах об этом думать! Трезвым был, правда... А на поминках выпил, в голову горячий туман ударил, заплакал... Взглянул за окно – солнышко красное на лес садится, а Настенька не увидит уже этого... И плакать из-за своей любви не будет! И первого жгучего поцелуя не будет! И свадьбы не будет. И дитя не будет!.. Холод! Тишина! Небытие!.. Такая жалость за сердце схватила – сил нет, чуть откачали... Но это я пьяным был... Проснулся – стыдно! Почему?! Перед кем?! Не знаю... Беда наша, Алина, что мы слов своих, наивных слов, чистоты своей стесняться стали... И с чего это началось? Когда?

АЛИНА. Я забыла, как тебя зовут... Прости...

БУСЛАЙ. Буслай... Светлая у меня фамилия. От буслов... Птиц счастья...

АЛИНА. Как зовут?

БУСЛАЙ. Андреем.

АЛИНА. Ты болен, Андрюша...

БУСЛАЙ. А то как же... Алкаш...

АЛИНА. У тебя душа больна.

БУСЛАЙ. Нет у меня души...

АЛИНА. Он скоро придет... Расскажу ему все... Все от начала до конца... Не стыдись, не думай ни о чем... Расскажи! Он способен привести душу в равновесие.

БУСЛАЙ. Она у меня в равновесии. Как вода в болоте...

Осторожный стук в дверь.

АЛИНА. Пожалуйста...

Появляется КРАСОВСКИЙ.

КРАСОВСКИЙ *(с улыбкой).* Приветствую вас...

АЛИНА *(немного растерянно).* Добрый день...

БУСЛАЙ. Здравствуй...

КРАСОВСКИЙ *(Алине).* Вот так стой и не шевелись... Я должен запомнить тебя с тряпкой в руках в квартире чужого мужчины... *(Осматривает со всех сторон.)* Неповторимо! Я в восторге! Картина, достойная кисти великого Пикассо... Сколько самобытности, первородства, протеста... Какое гармоничное сочетание! Фирменная джинсовая юбка и грязная тряпка! Какая умильная поза! Плакать хочется! *(Взглянув на Буслая.)* Та-ак... А это, по всей видимости, новый круг общения. *(Подает руку.)* Красовский. Кандидат наук.

БУСЛАЙ. Буслай... Алкоголик.

КРАСОВСКИЙ. Очень приятно. Вы друг этого дома?

БУСЛАЙ. Нет, поесть зашел.

КРАСОВСКИЙ. А-а, так сказать, пожаловали на званый обед?

БУСЛАЙ. А чего это ты?

КРАСОВСКИЙ. Что?

БУСЛАЙ. Придурка из себя строишь?

КРАСОВСКИЙ. Я чувствую, у вас было трудное детство...

БУСЛАЙ. У меня вся жизнь трудная...

АЛИНА (*уже совсем спокойно*). Брось паясничать, Красовский. Истерики не будет.

КРАСОВСКИЙ. Ты подлечила нервы?

АЛИНА. Душу. Душу я подлечила...

КРАСОВСКИЙ. Ну, это почти одно и то же...

АЛИНА. Чего тебе надо?

КРАСОВСКИЙ. Не по теории, девушка. Вначале спрашивают, как ты меня нашел, а уж потом...

АЛИНА. Не паясничай... Если бы ты знал, как это противно! Зачем пришел?

КРАСОВСКИЙ. При наших с тобой юридических отношениях этот вопрос звучит несколько странно.

АЛИНА. У нас никаких отношений нет. Да и не было. Если не считать постели.

КРАСОВСКИЙ (*Буслаю*). Будьте так любезны, уважаемый... Я муж этой легкомысленной женщины и хотел бы поговорит с ней конфиденциально.

АЛИНА. Он никуда не пойдет. Это чужая квартира, и он пришел не ко мне...

КРАСОВСКИЙ. Но, судя по тряпке, ты в какой-то степени тоже хозяйка... Или только уборщица?

АЛИНА. Ты угадал. Только уборщица. Грязь смываю.

БУСЛАЙ (*Алине*). Если надо, так я...

АЛИНА. Не надо...

КРАСОВСКИЙ (*подходит к Буслаю, достает из кармана деньги*). Вот, пожалуйста, сходите в кино и поешьте мороженого...

АЛИНА (*нервно*). Красовский, не будь скотом!

КРАСОВСКИЙ (*улыбнулся*). Узнаю прежнюю экспрессию...

АЛИНА (*неожиданно*). Прости...

КРАСОВСКИЙ (*удивленно*). Что?

АЛИНА. Прости...

БУСЛАЙ (*смотрит на деньги, глотая слюну*). В кино днем спать хочется... А мороженое... Гланды у меня! Понял? Гланды!

КРАСОВСКИЙ. Значит, вредно кричать... (*Прячет деньги.*) Ну хорошо. При свидетелях наш разговор не приобретет экстремального характера...

АЛИНА (*моет пол*). Слушаю...

КРАСОВСКИЙ. Я надеюсь, ты не думаешь, что я появился здесь из-за бессильной ревности или духовной раны, которую ты нанесла мне своим неожиданным исчезновением?..

АЛИНА (*продолжает убирать*). Я так не думаю. Дальше...

КРАСОВСКИЙ. У меня очень много друзей, дорогая... И мне опротивело для каждого выдумывать легенду, где ты и что с тобой... А ты в городе, и я слышал, что даже уже работаешь...

АЛИНА. Да, работаю...

КРАСОВСКИЙ. Интересно, на какой ниве?

АЛИНА. В детском садике...

КАСОВСКИЙ. Воспитателем?

АЛИНА. Нянечкой...

КАСОВСКИЙ. Бесподобно! Это у тебя что-то генное... Здесь тряпка, там горшки... Интересно, кем был твой отец?

АЛИНА. Такой же ученой сволочью, как и ты...

КАСОВСКИЙ. Тебя в любой момент могут встретить, и мне многое придется объяснять. Учти, я никогда за всю жизнь не попадал в глупое положение...

БУСЛАЙ. Хорошо прожил...

КАСОВСКИЙ. Одним словом, вот что: довольно шизовать, собирайся, садись в машину и домой. Вечером поедem на дачу к Горюхину. Он защитил докторскую...

АЛИНА. Я с ним спала...

КАСОВСКИЙ (*не сразу*). С кем конкретно? С этим (*кивнул на Буслая*) расстригой или с деятелем литературы, который пригрел тебя?

АЛИНА. С Горюхиным. С твоим другом. Только не надо, не надо делать вид, что тебя это волнует или тебе это не было известно...

КАСОВСКИЙ. Я от тебя исповеди никогда не требовал...

АЛИНА. Плохо! Очень плохо! Каждому человеку нужна исповедь. Как свет, как вода, как хлеб...

КАСОВСКИЙ. Какой вдохновенный вид! Плакать хочется...

АЛИНА. Заплачь...

КАСОВСКИЙ. Ну, довольно, Алина! Я прощаю тебе этот литературно-драматический вояж, собирайся. Нам еще мяса на шашлыки надо достать. Ну? Приключения всегда тем и интересны, что они когда-то кончаются...

АЛИНА. Скажи, Красовский, у тебя когда-нибудь болела душа?

БУСЛАЙ. Зачем ему душа, у него геморрой есть...

КАСОВСКИЙ. Как ты угадал?

БУСЛАЙ. По глазам.

КАСОВСКИЙ (*достал ключи от машины*). Все! Поехали. Ты у этого сказочника деньги брала? Сколько? Мы оставим их на столе.

АЛИНА. Я никуда не поеду...

КАСОВСКИЙ. Тогда ответь, психопатка, чего тебе не хватало?

АЛИНА. Тепла. Человечности. Веры.

КАСОВСКИЙ (*с иронией*). Надежды и любви...

АЛИНА (*серьезно*). Надежды и любви... Ты, Красовский, преступник...

КАСОВСКИЙ. Очень интересно...

АЛИНА. Ты из меня, живого человека, сделал вещь. Красивую, удобную вещь, которая изредка тебе нужна. Изредка. А когда надоедала, ты, не моргнув глазом, сплавлял ее своим друзьям. И они могли пользоваться этой вещью. А я считалась твоей женой! Боже мой! Как я только выдержала все эти годы среди грязи, цинизма... Искреннего, бесстыдного, наглого...

КАСОВСКИЙ. Что-что?

АЛИНА. Вы же ничего не делаете и делали ли когда-нибудь? Уяснили, что смысл жизни в наслаждении, высшая цель – наслаждение... Живете как стадо скотов.

КРАСОВСКИЙ. Довольно! Если Горюхин сумел затащить тебя в постель, не надо свой грех перекладывать на других.

АЛИНА. Он это сделал с твоего молчаливого согласия, мой милый. Точно так же, как и ты с его Лялькой...

КРАСОВСКИЙ. Откуда ты знаешь об этом?

АЛИНА. Он поделился... Сказал, что свобода – примета нашего времени...

БУСЛАЙ. Ну, ребята, вы и живете...

КРАСОВСКИЙ. Заткнись!

АЛИНА. Оставь его! Он не хуже меня и тебя. Может, даже лучше. Просто несчастный человек.

КРАСОВСКИЙ. Ну, хорошо... Мы циники, пошляки, что угодно... Но ты-то что... Чистая, благородная... Как же это у тебя получилось с Горюхиным?

АЛИНА. Просто. Захотела стать такой же, как и вы. Замуж-то за тебя я сумела выйти, столько лет сумела прожить, как комнатная болонка с голубым бантиком наше... Решила эмансипироваться до конца... Тьфу! Слово-то какое гадкое... А Горюхин всегда был готов мне помочь в этом... Я считала, что не буду долго мучиться... Душа принимает грязь точно так же, как и святость... Окаменеет – и все. Умрет, иначе говоря... Я и старалась сделать все для этого... Очень уж тяжело жить с живой душой.

КРАСОВСКИЙ. Послушай, не слишком ли? Расскажешь в другой раз. Поедем, я прошу тебя.

АЛИНА. Я пила водку, старалась напиваться, не обращать внимания ни на что, с Горюхиным связалась... Но... ни чего не получалось! Еще хуже стало... И вот месяц назад ехала я от друга нашей семьи Горюхина... С любовного свидания возвращалась... Сажу в электричке и реву... Пустой вагон... Фонари мелькают и слезы льются... И тут подходит он. Взглянул на меня, даже не сказал ничего, а меня как будто горячей волной доброты \, сочувствия, жалости обдало. И вот я бросилась к нему и все рассказала. Все! И о тебе, Красовский, и о Горюхине, и о себе... Долго рассказывала, до самого города... Он выслушал и говорит: ты же проститутка! Просто так, как будто сказал, что у меня красивые волосы... Мне сразу легче стало! Именно это слово мне кто-то должен был сказать! Когда он сошел – я пошла за ним...

КРАСОВСКИЙ. Ну, дальше, дальше...

АЛИНА. Дальше ничего не было. Он привел меня к себе домой, напоил чаем, успокоил, уложил спать...

КРАСОВСКИЙ. Рядом?

АЛИНА. Здесь не те мерки, Красовский. Для этого человека жизнь и все лучшее, что в ней должно происходить, – святость...

КРАСОВСКИЙ. Читал я примитивные сказочки этого святого писателя. Бездарность! Все киоски забиты его серенькими шедеврами. Никто не покупает, и никто не читает...

Открывается дверь. Входит ДРАГУН.

ДРАГУН. А вы, кажется, все-таки прочли?

КРАСОВСКИЙ (*не растерялся*). Пришлось. Должен ведь я знать образ мыслей человека, который спит с моей женой.

ДРАГУН. Раньше, насколько мне известно, это вас не интересовало...

КРАСОВСКИЙ. И раньше и теперь я никогда не прощал оскорбления. Никому.

Бьет ДРАГУНА по щеке. Тот побелел, весь сжался.

АЛИНА подбежала, схватила ДРАГУНА за руки.

АЛИНА. Саша, милый, я прошу тебя, не надо... Не трогай его... Прости его! Слышишь? Не трогай... Тебе нельзя ему ответить здесь... Нельзя! Хочешь... хочешь, я стану перед тобой на колени? Прости... Нельзя...

БУСЛАЙ. Ему, может, и нельзя, а я попробую...

КРАСОВСКИЙ. Ну, ну... Попробуй.

БУСЛАЙ. Сейчас как врежу по умной лысине – уши отклеются!

АЛИНА. Успокойся! Иди, Красовский. Слышишь? Уходи отсюда!

ДРАГУН (*уже спокойно*). Идите... Я не говорю вон, потому что это не моя квартира... Идите... То, что вы потеряли, уже не вернуть ни оплеухой, ни красивыми словами, ни угрозами. Идите.

КРАСОВСКИЙ. Та-ак... Значит, ты не сказочник? Накладка произошла... Приношу свои извинения...

ДРАГУН. Извините вначале самого себя. Остальные вас простят...

КРАСОВСКИЙ. Что это у вас тут? Почему?.. Почему вы так смотрите?! Я вашу эту секту разгоню!! Я вам покажу исповеди, проповеди и душеспасительные разговоры! (Алине.) Сейчас же собирайся, и едем! Предупреждаю: если ты тут останешься – у твоего святого писаки будут земные неприятности! Поедешь?

АЛИНА растерянно молчит.

ДРАГУН. Не смей, Алина... Слышишь, не смей!

КРАСОВСКИЙ. Последний раз спрашиваю... Поедешь?

АЛИНА. Нет!!!

КРАСОВСКИЙ. Ну, хорошо, христосики припадочные... Я вас заташу на Голгофу! (*Уходит.*)

Пауза.

БУСЛАЙ. Так где же ваш хозяин?

ДРАГУН. Он скоро придет.

Затемнение

Хата стариков в деревне. МАТЬ стоит на коленях перед иконой. Входит НИНА.

НИНА (*не сразу*). Добрый день, тетя Маруся...

МАТЬ. Чего тебе надо?..

НИНА. Дядька еще не приехал?

МАТЬ. Ну что, дождалась? Радуйся.

НИНА. Да, мне только радоваться... Придумать не могу: где, в чем и перед кем я так виновата, что столько лет такую тяжесть, такую муку на своих плечах несу...

МАТЬ. Это у тебя тяжесть? Это у тебя мука? Ты же его на тот свет подтолкнула! Ты же от него отреклась, к Миколке сбежала, один на один с бедой оставила, сына, кровинку его, отняла...

НИНА. Вы все что угодно мне говорите, мне тяжелее не будет... Тетенька, милая, я же люблю его!

МАТЬ. Мертвый всегда любят!..

НИНА. А что? Что я могла сделать?

МАТЬ. Не бросать одного! Я бы вас, вертихвосток, которые от живых мужей бегают, под суд, под суд... Испокон веку такого не было! Четверо сходятся – пятеро расходятся! А если бы и мы так?! А если бы и деды наши так?! Что тогда? Перевелся б род человеческий... Только сладкого от жизни хотите? А кто горькое есть будет? Кто?

НИНА. Я пять лет с ним мучилась.

МАТЬ. А я со своим пятьдесят мучаюсь! Ты что же думаешь, у нас только лютики-цветочки в жизни были? Все было! Терпела! Я терпела, и он терпел...

НИНА. И я бы терпела. Если бы на него горе или несчастье свалилось... Терпела б... А такого... У меня одна жизнь, одна... Мне хочется жить, радоваться, обнимать здорового, трезвого мужчину... А за мои страдания и слезы мне никто не заплатит...

МАТЬ. Во! Вам плата за все нужна... А вот я свою жизнь бесплатно прожила... И столько работала бесплатно... Кто знает, а не заплатит ли мне кто-нибудь когда-нибудь за все?

Входит ФЕДОС ШАРГАЕВ, однокашник АНДРЕЯ.

ШАРГАЕВ (с порога). Вот, пришел... Сердце привело, таксать... Пришел, значит, засвидетельствовать... И посочувствовать. Мы с Андреем друзья были, не разлей вода... Мы с ним и... И с уроков вместе удирали... А мне сейчас тяжело....

МАТЬ. Что ты плетешь?

ШАРГАЕВ. Сочувствую. Мне все рассказали... Так что, если надо могилку выкопать – я тут...

МАТЬ. А может, это и не Андрей совсем? А ты ему могилу...

ШАРГАЕВ. Если не Андрей, я ее опять закопаю... А выкопать, тетка, надо... Примета такая... Выкопаешь, ну, вроде смерти фигу покажешь... А не надо, дай Бог здоровья, я ее закопаю с радостью. Для Андрея я что хочешь сделаю!

МАТЬ. На поминки захотелось, негодная твоя душа! Другу своему могилу готов выкопать, только бы глазищи свои залить...

ШАРГАЕВ. Не из-за этого, тетка!!! Шаргай, может, голову пропил, здоровье свое пропил, но совесть... Я вообще могу на поминки не прийти, а могилку выкопаю... Скажи только где: рядом с Настенькой или около деда с бабкой?

МАТЬ. Пошел вон, ирод!

ШАРГАЕВ. Не обижаюсь. Потому что понимаю – горе. Земля сейчас мерзлая, работы много, ломом долбить надо, а у меня руки дрожат... А там ломом надо.

НИНА *(не выдержала, достала деньги)*. На, негодяй! Возьми, только уходи отсюда!

МАТЬ. Ну, иди, копай! Ты же ему еще при жизни могилу вырыл!

ШАРГАЕВ. Как это?

МАТЬ. Когда спаивал его в столовой каждый божий день...

ШАРГАЕВ. Ошибочка! Угощал он, а не я...

МАТЬ. Иди! И вот ее возьми, она поможет... Идите! Похороните человека, который от матери своей оторвался, а среди вас приюта не нашел. Идите!

ШАРГАЕВ. Не обижаюсь. Потому что горе. *(Уходит.)*

НИНА *(сквозь слезы)*. За что... за что вы на меня так? Ой... как тяжело... Не надо со мной так... Мне не легче, тетя... Я за эти два года такое пережила – врагу грех пожелать... Думала, с Миколой мне хорошо будет, любит ведь меня, а мне его любовь хуже наказания... Я и теперь Андрея люблю. И Микола это видит... И он за эти годы натерпелся со мной. Все видел, все понимал, что не любила я его, не люблю и полюбить не смогу... Что к Андрею мое сердце привязано. Не надо со мной так...

Звук мотоцикла. МАТЬ окаменела.

МАТЬ. Приехали. Господи, Твоя воля, пронеси... Сделай так, чтоб это не он был...

Входят ОТЕЦ и НИКОЛАЙ. ОТЕЦ молча начинает раздеваться.

МАТЬ. Ну?

ОТЕЦ. Что?

МАТЬ. Он или нет?

ОТЕЦ. Он...

МАТЬ. Ты его сам видел?

ОТЕЦ. Видел... В морг милиция водила... Лежит голый, почерневший...

МАТЬ. Господи!

ОТЕЦ. Сказали, что с Нового года под сугробом у самой дороги. Морозы тогда были лютые, да еще с метелью... Отдохнуть лег... Вот и отдыхает... И бутылка недопитая в кармане замерзлась... не допил всю... *(Достает из кармана паспорт.)* А вот и паспорт... В сельсовет надо занести...

МАТЬ *(вдруг очень спокойно)*. Нет, господи, нету тебя на свете... Что хочешь делай со мной, но нету тебя... *(ОТЦУ.)* А очень страшный?

ОТЕЦ. Столько пролежать под снегом... Испортился весь... Только по одежде и узнал... Пальто ведь в сельмаге покупали... Вот Нина еще покупала... Да еще и паспорт в кармане. По паспорту и нас нашли... Пойду к председателю за машиной...

НИКОЛАЙ. Иди домой, Нина...

НИНА. Я здесь побуду... Может, помочь что понадобится...

НИКОЛАЙ. Как хочешь... А где Гришутка?

НИНА. К матери завела...

ОТЕЦ. Съездишь со мной, Микола?

НИКОЛАЙ. Зачем?

ОТЕЦ. Поможешь. Не с милиционером же мне его грузить...

НИКОЛАЙ. Хорошо.

ОТЕЦ. Маруся, сходи к кому-нибудь, чтоб могилку выкопали... Слева от Настеньки... А уж с дедами мы ляжем...

МАТЬ. Шаргай уже нанялся.

ОТЕЦ. Ну, Шаргай так Шаргай... Дело такое... Пошли, Микола...

Уходят. Мать вздохнула, вытерла слезы, спокойно и торжественно начала готовить хату к похоронам. Нина стоит посредине и не шевелится. Мать подошла, выключила радио, остановила маятник часов, достала из шкафа две черные занавески. Закрыла телевизор, зеркало... Нина наблюдает за ней. И вдруг закричала, опустила на пол, рыдает. МАТЬ делает свое.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

**Хата. С кладбища возвращаются
МАТЬ, ОТЕЦ, НИНА и НИКОЛАЙ.**

ОТЕЦ. Ну что, будем садиться, а?

МАТЬ. Подождем немножко... Картошку поставлю... Пока сварится – Шаргай могилку закопает... Господи ты мой милый, за что же ты на нас так разгневался?

ОТЕЦ. Тихо! На кладбище отплакала-отголосила, а тут нечего... Тут поминать надо... *(Нине.)* А где Гришутка?

НИНА. К матери его завели... Замерз на кладбище... Мама, говорит, мороз за ушки кусает, одень шапочку... Что ему тут делать?

МАТЬ. Как это что? Как это что? Это же его батька... И чтоб на чужую фамилию его не записывали... Слышите? А то в суд затащим...

НИКОЛАЙ. Не запишем. Только ему все равно: Андреевичем расти или Николаевичем...

МАТЬ. Нам не все равно...

НИНА. Давайте я помогу вам, тетя Маруся...

МАТЬ. Ты уже помогла. Сиди.

НИНА *(застонала).* Тетенька...

ОТЕЦ. Замолчите! Чтоб ни гугу мне. Никто. Молча будем поминать, без слов.

НИКОЛАЙ. В самом деле. Что говорить?

ОТЕЦ. И ты молчи!

НИКОЛАЙ. Что же мне еще делать?

НИНА. Коля...

НИКОЛАЙ. Что, Нина?

И молчит. Только весенняя капель слышна на улице.

Там весна. Входит ШАРГАЕВ.

ШАРГАЕВ *(возбужденно).* Все! Пускай он нам и ребеночку своему снится... Друг наш... такскать, муж и сын... Честь, такскать, от всех добрых людей и от родительских... Нет, нет! От дедовских костей...

ОТЕЦ. Садимся...

МАТЬ. Картошка еще не сварилась...

ОТЕЦ. Потом подашь... Неси водку.

МАТЬ. А ее нет...

ОТЕЦ. Я же покупал...

МАТЬ. А я под забор вылила... Не позволю! Отравы эта его в землю свела, и ее же на поминках пить, с того света душу его призывать к рюмке?! Не позволю!

ОТЕЦ. Ладно, хватит голову дурить... Неси...

МАТЬ. Нету! Вылила!

ШАРГАЕВ (*обалдел*). Елки-моталки! Уже ведь магазин закрыли! Что же это будет? Поминки без водки... Грех ведь...

МАТЬ. Перед дьяволом грех! Перед дьяволом! Это он прицепил к роду человеческому это зелье... Он сделал так, что оно идет за ним от первого крика до последнего вздоха... Вот, молочко... Молочком помянем... (*Подошла к столу, налила из банки молока.*) Иди, сыночек мой, молочко пить, кашу есть... Иди, детка...

Пьет. Все смотрят.

ШАРГАЕВ. Что ж это получается? Могилку копал, на холоде дубел – и на тебе...

МАТЬ. А-а-а, признался! Из-за этой гадости пришел.

ШАРГАЕВ. И не потому! Я могу совсем не... Совсем! Если захочу. Но я не китаец, елки-моталки, не йог индийский, чтобы друга, с которым на одной парте сидел, парным молоком поминать... (*Отцу.*) Дядька Митик, одолжи десятку... Я в район сгоняю, бутылку куплю...

МАТЬ. А я ее тебе на голове разобью, пьянь несчастная! Ты уже сам с чертом в обнимку ходишь, самому смерть в глаза смотрит. Допился!

ШАРГАЕВ (*решительно поднимается*). Ладно! Не обижаюсь, потому что горе... Пойду у матки десятку выпрошу... И на могиле его помяну. Под крестом...

ОТЕЦ. Сядь!

ШАРГАЕВ. Если так – пускай так...

ОТЕЦ. Сядь, я тебе сказал! (*Жене.*) И ты садись, Маруся... Садись...

*МАТЬ садится. ОТЕЦ выходит в сени,
приносит две бутылки водки, ставит на стол.*

Наливай, Микола... Ничего, наливай... Не в этом дело... Веревка не виновата, если человек петлю из нее для своей шеи сделает... И водка не виновата... Наливай, Микола...

НИКОЛАЙ наливает водку. ШАРГАЕВ хватает стакан, поднимается.

ШАРГАЕВ. Хочу тост сказать...

НИНА. Рехнулся...

ШАРГАЕВ. Мы собрались, такскать, тут, за этим печальным столом, родные и близкие... друзья, чтоб помянуть нашего дорогого... нашего...

НИКОЛАЙ. Замолчи! Дядька, скажите – пускай молча пьет...

ШАРГАЕВ (*растерянно*). Я чтоб по форме...

МАТЬ. Садись...

ОТЕЦ. Давайте...

Все, кроме НИКОЛАЯ, выпивают.

А ты, Микола?

НИКОЛАЙ. Не могу, дядька... Не могу, не обижайся...

МАТЬ. Он ведь твоим дружкой был, ты же с его женой спишь – и...

ОТЕЦ (*стукнул кулаком по столу*). Цыц! Говори, Микола, говори...

НИКОЛАЙ. Живите долго, дядька Митик... Но вот если когда-нибудь мне придется тебя поминать...

ОТЕЦ. Придется, куда ты денешься? Не хватало еще, чтобы я и тебя поминал...

НИКОЛАЙ. Так вот... Если придется – плакать буду... как по родному отцу не плакал... Ну а про Андрея... Нету у меня добрых слов. Нету... Что мне добрым словом вспоминать его, что вот ее (*кивнул на Нину*) у меня отнял?

НИНА. Коля, опомнись...

НИКОЛАЙ. Отнял просто так, она ведь не нужна ему была... Красивое, – значит, мое... А мне без нее белый свет черным кажется... Вспомнить за то, что сына его воспитываю и сердце свое любить заставляю... Вспомнить за то, что он мучил всех?! Ее, вас, меня... Не могу...

ШАРГАЕВ (*вскочил*). Выйди, антихрист! С ума сошел? Так про покойника...

НИКОЛАЙ. А как еще?

ШАРГАЕВ. Только хорошее.

ОТЕЦ. Почему?

ШАРГАЕВ. Заведенка такая... По форме...

ОТЕЦ. Помирать это... все помирают... Медалей за это не дают.

МАТЬ. Пес старый! О твоём родном сыне такое, да еще на поминках, а ты... Ой, выродки! (*Николаю.*) Чего же ты приперся тогда? Если у тебя такое на сердце... Зачем пришел?

НИКОЛАЙ. Горе ваше вместе с вами выпить... (*Пьет водку.*)

Затемнение

Квартира Максима Пакутовича. Полумрак. ДРАГУН один сидит у окна. Дверь осторожно открывается. Входит БУСЛАЙ.

БУСЛАЙ (*мрачно*). Кто в теремочке живет?

ДРАГУН (*зажигает свет*). Заходи...

БУСЛАЙ. Здоров!

ДРАГУН. Привет... Как жизнь?

БУСЛАЙ. Как в сказке. Час назад вешался...

ДРАГУН (*обалдело*). Чего-о?

БУСЛАЙ. Того! Веревку в котельной за крюк, второй конец на шею и с котла вперед!

ДРАГУН. С ума сойти!

БУСЛАЙ. Крюк вместе с кирпичом из стены выскочил и ка-ак врежет по башке! Ну и строят! Повеситься невозможно!

ДРАГУН (*не сразу*). Ну что сказать? Идиот... Больше ничего... Садись...
Есть хочешь?

БУСЛАЙ. Дай выпить!

ДРАГУН. Есть хочешь?

БУСЛАЙ. Идите вы к чертовой матери со своим сочувствием! Праведники!
Что вы со мной сделали! Почему мне так тошно? Меня уж и водка не берет!

ДРАГУН. Не ори...

БУСЛАЙ. Где хозяин?

ДРАГУН. Скоро придет...

БУСЛАЙ. Кто он такой? Я ведь после той проклятой ночи как под гипнозом хожу! У меня сердце болит! Я бриться начал! Ты мне скажи: откуда он все знает? Я столько лет пью и остановиться не могу... Почему? Не знал! А он... Знаешь, что он сказал? Душа человеческая – криница! Из нее должны черпать! Если не черпают – хоть маленький ручеек должен вытекать... А из моей ничего не вытекало! Ничего и никогда! Ни капельки! Вот она и начала страдать! Тиной заросла, помутнела... Лужей стала, а не криницей! Лужей! Грязной, вонючей... Сорок лет! Ни одному человеку добра не сделал, никого не согрел, ни одного раза над чужим горем не поплакал, березки не посадил! Только брал, грелся сам около других, с чужих деревьев ветви сламывал... Чего? Чего ты лыбишься?

ДРАГУН. Дай руку...

БУСЛАЙ. Я тебе по морде этой рукой дам... Тебе и твоему сказочнику...

ДРАГУН. За что?

БУСЛАЙ. За правду.

ДРАГУН. За правду всегда бьют...

БУСЛАЙ. За душу мою уцепился... Я думал, что этой души у меня уж и не осталось... А тут... И в глаза смотрит, смотрит... Ты не знаешь, почему он сказки пишет? Почему именно сказки?

ДРАГУН. Видимо, потому, что все мы стали очень уж образованными, умными, рассудительными... И по старой привычке с невежеством боремся... Сказки разрушаем... Потому что сказка – это, в общем-то, неправда, а человеку истина нужна. Конечно, нужна... Кто спорит? Но и сказка тоже... Сказка, песня...

БУСЛАЙ. А я своему сыну их не рассказывал. Стыдился! Чтоб он провалился, твой сказочник!

ДРАГУН. Почему мой? И твой уже тоже...

БУСЛАЙ. Ну, зачем он подобрал меня тогда на дороге? Зачем душу разбередил? Что мне делать?

ДРАГУН. Начинать все сначала..

БУСЛАЙ. Это в сорок-то лет?

ДРАГУН. Что поделаешь, если раньше не получилось...

БУСЛАЙ. Стоит ли вообще жить, если счастье человека только в том, чтобы вкусно пожрать, иметь красивую бабу, ни хрена не делать и получать кучу денег?.. Стоит ли?

ДРАГУН. Знаешь что? Катись ты со своими вечными вопросами подальше! Мы живем не ради того, чтобы ублажать себя, а чтобы душу свою улучшить или хотя бы не ухудшить...

БУСЛАЙ. Да ты посмотри вокруг? Какая душа? Кому ее улучшать?!

ДРАГУН. Придет время, оно скоро придет, и мы поймем, что только любовь, доверие, сочувствие, глубокая честность спасут нас от душевных мук, сомнений и внутреннего разлада... Что все старые лозунги, к которым относимся скептически, – надо принять! Умом и сердцем! Придет время – примем...

БУСЛАЙ. Твой сказочник – чудик!

ДРАГУН. Что он такого необычного сделал или сказал тебе, чтобы его чудиком называть?

БУСЛАЙ. Подобрал на улице!

ДРАГУН. Так ведь...

БУСЛАЙ. Молчи! Нормальный человек проедет мимо, ну а если уж и остановится, то сдаст потом в милицию... А он не сдал!

ДРАГУН. Так что же тут странного? Обыкновенная человечность, обыкновенное участие! Понимаешь, он пережил когда-то то же, что и ты! Легко жил, но понял, что жить легко – смертный грех... И теперь все без остатка отдает другим! Так надо! Отдавать, отдавать, отдавать! Больше отдашь – спокойнее спать будешь, радостнее жить... Он хорошим человеком тебя считает?

БУСЛАЙ. Я себя человеком не считаю, а он считает!

ДРАГУН. Зачем ты пришел?

БУСЛАЙ. Сказать этому святому маразматiku, что я его ненавижу!

ДРУГАН (*не сразу*). Уходи! Слышишь? Сейчас же уходи отсюда!

БУСЛАЙ (*зло*). Нет, я его подожду.. Я ему все скажу!

Стук в дверь.

А вот и хозяин! Входи, апостол царя небесного!

Входит МИЛИЦИОНЕР. БУСЛАЙ опешил.

МИЛИЦИОНЕР. Разрешите?

ДРАГУН. Добрый вечер...

МИЛИЦИОНЕР (*посмотрел на Буслая, потом на Драгуна*). Пакутович Максим Данилович?

ДРАГУН. Драгун Александр Петрович...

МИЛИЦИОНЕР. Но ведь здесь живет...

ДРАГУН. Максим Пакутович...

МИЛИЦИОНЕР. Где он?

ДРАГУН. Скоро придет.

МИЛИЦИОНЕР. А вы его друг?

ДРАГУН. Нет... Пациент...

МИЛИЦИОНЕР. Что-что?

ДРАГУН. Па-ци-ент...

МИЛИЦИОНЕР. Так, так... Значит, все же правильно написали...

ДРАГУН. Что написали?

МИЛИЦИОНЕР. То, что в этой квартире необычные вещи происходят...

ДРАГУН. Правильно написали...

МИЛИЦИОНЕР (*Буслаю*). Вы тоже пациент или ординатор?

БУСЛАЙ (*хмуро*). Медбрат...

ДРАГУН. Он никакого отношения к Пакутовичу не имеет.

МИЛИЦИОНЕР. Вы здесь живете?

ДРАГУН. Как видите.

МИЛИЦИОНЕР. А где прописаны?

ДРАГУН. Показать паспорт?

МИЛИЦИОНЕР. Где прописаны?

ДРАГУН. Улица Мира, сто пять...

МИЛИЦИОНЕР. Подождите, подождите... Так Драгун...

ДРАГУН. Мой отец.

МИЛИЦИОНЕР. Не понимаю... (*Буслаю*.) А где вы прописаны?

БУСЛАЙ. Я...

ДРАГУН (*перебивает*). Тут и понимать нечего. Три месяца назад я был освобожден досрочно за хорошее поведение...

МИЛИЦИОНЕР. Откуда освобожден?

ДРАГУН. Ну конечно же не из санатория...

МИЛИЦИОНЕР. Сидел?

ДРАГУН. Нет, не сидел. Лес пилил...

МИЛИЦИОНЕР. Покажи паспорт...

ДРАГУН достает паспорт.

За что сидел?

ДРАГУН. Ни за что!

МИЛИЦИОНЕР. Ну-ну!

ДРАГУН. Вы не нукайте! Я знаю, что у нас ни за что не сажают. Было. Шел с дня рождения... Пьян не был, но и трезв, естественно, тоже... Ну и увидел, как один долговязый поддонк бьет девушку... Подбежал, дал по морде! Тот неудачно шлепнулся на асфальт – сотрясение! Милиция, протокол... Пьяная драка... Отцу позвонили... А тот сказал: судите щенка! Закон у нас для всех один! Дошло до суда. А эта красотка оказалась невестой долговязого... И на суде она заявляет, что я хулиган, цеплялся к ней, ну, изнасиловать вроде хотел, а когда ее благородный рыцарь стал заступаться за свою Джульетту, я его прибил! Судья спрашивает: так было?.. А я как баран в глаза этой невесте смотрю и, сам не знаю почему, отвечаю: так!

МИЛИЦИОНЕР. Ну и дурак!

ДРАГУН. Конечно, дурак... Кто же еще?.. Год и припаяли за мою дурь. А отец и на суд не пришел. Он у меня принципиальный...

МИЛИЦИОНЕР. От обиды к нему не возвращаешься?

ДРАГУН. От злобы... Ну ничего... Освободили досрочно... Приехал в город и стал вынашивать план мести... Во-первых, с этой невестой решил сделать все именно так, как она рассказала на суде!

МИЛИЦИОНЕР. С ума сошел!

ДРАГУН. Во-вторых, отцу я обо всем написал после освобождения. Как и за что сел... И приписал, что никогда ему не прощу. Жажда мести доводит человека до идиотизма... Но мне повезло... Встретился случайно с Пакутовичем. И все рассказал ему... Понимаете, ему почему-то все хочется рассказывать... Слушать, наверно, умеет.

МИЛИЦИОНЕР. И он отговорил?

ДРАГУН. Нет... По уху дал...

МИЛИЦИОНЕР. Как?

ДРАГУН. Кулаком. Сволочь, говорит, с чем ты живешь? Иди утопись лучше, не позорь землю, которая породила тебя... За доброе дело, за благородство муку принял? Ну и что? Молодой, здоровый, что тебе эти четыре месяца? Я все четыре месяца отбыл... Ну, обидели, говорит, не разобрались, но ведь душа твоя чиста! Зачем же ты в нее теперь грязь толкаешь? Ты ведь, говорит, и представить не можешь, с какой мукой живет эта несчастная девица... Она сама себя наказала на всю жизнь! Ты же ей до самой старости снится будешь... А уж не любви, ни счастья, ни радости с тем выродком у нее никогда не будет! И ты мстить, дурак! Если простишь – это страшнее мести... Успокойся, говорит, дай сердцу отдохнуть... А пока злость не уймется – поживи вместе со мной... Вот и живу.

МИЛИЦИОНЕР. Это как же понимать? На квартире, что ли?

ДРАГУН. Вроде... Легко с ним... Как в детстве с мамой – и приласкает и отругает... Сказки пишет...

МИЛИЦИОНЕР. И сколько он берет с тебя?

ДРАГУН. Что с меня возьмешь? На стипендию живу...

МИЛИЦИОНЕР. А отец знает, что ты здесь?

ДРАГУН. Нет...

МИЛИЦИОНЕР. Плохо...

ДРАГУН. Уже знаю. Страшен не тот, кто делает плохо, а тот, кто не может простить этого...

МИЛИЦИОНЕР. Слишком мудрено...

ДРАГУН. Это он сказал...

МИЛИЦИОНЕР. А что плохого твой отец сделал? Ты ему рассказал?

ДРАГУН. Мог бы и сам спросить. А он поверил протоколу.

МИЛИЦИОНЕР. Та-ак... А верно, что тут квартира не запирается?

ДРАГУН. Правда...

МИЛИЦИОНЕР. Никогда?

ДРАГУН. Замка совсем нету.

МИЛИЦИОНЕР подходит к двери, открывает, смотрит.

МИЛИЦИОНЕР. Надо же... Ну а если заберется кто?

ДРАГУН. Ворюги, что ли? А чем поживиться?

МИЛИЦИОНЕР. Ну а зачем?

ДРАГУН. Что?

МИЛИЦИОНЕР. Без замка жить? Зачем выставляться? Что он, лучше, честнее других?

ДРАГУН. Нет. Он считает, что люди добрее, чем есть... И держит двери открытыми... В свой дом и в душу. А вдруг кто зайдет?

МИЛИЦИОНЕР. А он нормальный? Как ты считаешь?

ДРАГУН. А мы с вами нормальные? Как вы считаете?

МИЛИЦИОНЕР. Водку не пьете?

БУСЛАЙ. Пили бы... Не дают...

МИЛИЦИОНЕР. Ого! Заговорил! А я-то думаю, почему такой неразговорчивый? Молчит и молчит.

БУСЛАЙ. Сказать нечего...

МИЛИЦИОНЕР (*Драгуну*). А бабы сюда не ходят?

ДРАГУН. Женщины ходят...

МИЛИЦИОНЕР. Им можно. Только к отцу все же сходи... Ты и сам, мальчик, я вижу не сахар... Много от людей требуешь... Надо от себя требовать...

ДРАГУН. Вот... Десять минут побыли в квартире и уже заговорили как писатель Пакутович...

МИЛИЦИОНЕР. Как милиционер я говорю, как милиционер...

ДРАГУН. Вас отец прислал?

МИЛИЦИОНЕР. Служба меня прислала. Сигнал. Ты не знаешь, почему люди не любят один другого?

ДРАГУН. Знаю. Потому что себя не любят.

МИЛИЦИОНЕР. Та-ак... Чем там еще возмущался честный гражданин? А-а... Дает приют алкоголикам и другим темным личностям... Ну а это-то как?

ДРАГУН. Правда. Где-то месяц назад ночью подобрал на улице человека и привез домой. Не дал замерзнуть, проще говоря... А в чем тут крамола? Даже если темная личность – так что: лучше оставить ее подыхать в сугробе?

МИЛИЦИОНЕР. Ну ладно, ладно... Ух, ежик! Я же ничего не говорю... Правильно сделал, что подобрал... А то вот одного мне пришлось поднимать... Всю зиму пролежал под снегом. Отец родной приехал – узнать не мог!.. Пальто, говорит, его покажите, тут-то и смотреть не на что. Посмотрел на пальто, на паспорт. Долетался, говорит, аист... Сложил крылья...

ДРАГУН. Почему аист?

МИЛИЦИОНЕР. Фамилия у него такая мудреная... Как бишь ее? Ну, аист, только как-то иначе...

БУСЛАЙ. Бусел...

МИЛИЦИОНЕР. Во-во! Буслай...

БУСЛАЙ (*вдруг нервно засмеялся*). Ха-ха-ха!!

МИЛИЦИОНЕР. Ты чего?

БУСЛАЙ. А откуда он?

МИЛИЦИОНЕР. Из деревни.

БУСЛАЙ (*смеется*). Бэра!

МИЛИЦИОНЕР. Ты знал его, что ли?

БУСЛАЙ. Не-а! (*Смеется*.) Это я... так...

МИЛИЦИОНЕР. А чего ты ржешь?

БУСЛАЙ. Да батька его... смешно так... Долетался бусел, крылья сложил... Потеха!

МИЛИЦИОНЕР. Ничего себе потеха!

ДРАГУН (*сам себе*). Обалдеть! (*Милиционеру.*) Ну, а похоронить его похоронили?

МИЛИЦИОНЕР. Вряд ли.

ДРАГУН. А как вы узнали, что он из деревни?

МИЛИЦИОНЕР. Так я же говорю, паспорт у него в кармане был... Прописан в деревне, а шатался почему-то здесь...

ДРАГУН. Понятно...

МИЛИЦИОНЕР. Ну ладно, будь здоров. Передай хозяину, пускай замок все же поставит... И ночевать лишь бы там кого не пускает... И к отцу чтобы сходил... (*Буслаю.*) До свидания...

БУСЛАЙ в ответ нервно смеется. МИЛИЦИОНЕР уходит.

БУСЛАЙ. А ведь это я... Меня... Хоронить будут... Слышал? Ты ведь слышал? Сложил бусел крылышки! Покойник!

ДРАГУН. Да брось ты! Может, однофамилец...

БУСЛАЙ (*дрожащим голосом*). Нет! Нет! Пальто у нас было одно на двоих... Свое он пропил...

ДРАГУН. Кто?

БУСЛАЙ. Бэра! Я у него в котельной жил... Однажды с утра наскребли на бутылку... Беги, говорю, Бэра... Он пальто и надел... А в пальто паспорт... Я уже и забыл о нем... Пошел, и с концами... И день нет, и два... И всю зиму...

ДРАГУН. А кто же работал вместо него?

БУСЛАЙ. Я... А он вместо меня под сугробом лежал...

ДРАГУН. Да нет, не может быть... Наверно, совпадение...

БУСЛАЙ. Фамилия! Паспорт без прописки! Район! И Бэра пропал! Покойник я! Покойник!

ДРАГУН. Ну, Федя Протасов! Ну... Дуй сейчас же домой! Немедленно! Он сказал, что забрали только вчера... Может, не успели еще! (*Бросается к телефону, набирает номер.*) Добрый вечер... Пригласите, пожалуйста, Алину... Хорошо, подожду... (*Буслаю.*) У тебя деньги есть?

БУСЛАЙ (*отрешенно*). Откуда...

ДРАГУН (*достаёт из кармана*). На!

БУСЛАЙ. Последние?

ДРАГУН. Бери, дурило! Хватит?

БУСЛАЙ. Не знаю...

ДРАГУН. Сколько километров?

БУСЛАЙ. До района сто... А там уже рядом...

ДРАГУН. Понятно... (*В трубку.*) Алина? Это я, Драгун. Слушай внимательно: около вашего садика, кажется, остановка такси... Глянь, стоят машины или нет? Стоят? Хватай машину и срочно приезжай к Пакутовичу... Нет, с ним все нормально... Нашему философу плохо... Я тебе потом все объясню... Что? Сама не можешь приехать?.. Ну, хорошо, хорошо. Сбегай на остановку и назад... Деньги у тебя есть? Отдай шоферу все, упроси его за

город съездить... Потом, Алина, потом... Ждем машину! *(Положил трубку.)*
Сейчас поедешь... Тут рядом... Кошмар!

БУСЛАЙ *(вдруг заплакал)*. Не обижайся на меня...

ДРАГУН. За что?

БУСЛАЙ. За то, что я нес на сказочника... Покойник! Сволочь я!

ДРАГУН. Ладно!

БУСЛАЙ. Он, наверно, и впрямь святой... И вас тоже сделал святыми...

ДРАГУН. Все люди на земле святые... только забывают об этом... Значит, так: приедешь, смотри сдуру домой сразу не нагрять... С ума всех сведешь...

БУСЛАЙ. Хорошо... Деньги я вам пришлю... Заработаю и пришлю...

ДРАГУН. Как знаешь... *(Подходит к стенке, открывает бар, наливает большую рюмку коньяка.)* На, выпей...

БУСЛАЙ. Не буду!

ДРАГУН. Пей, тебе говорят, а то рехнешься, пока доедешь...

БУСЛАЙ. Он ведь сказал: грех перед природой...

ДРАГУН. Когда не нужно – грех, а когда необходимо – грех не выпить...
Давай!

БУСЛАЙ пьет. ДРАГУН выглядывает на улицу через окно.

Машина! Пошли!

БУСЛАЙ. Спасибо... Спасибо...

Уходят. Через некоторое время ДРАГУН возвращается. Садится в кресло, о чем-то думает. Потом снимает трубку телефона, набирает номер.

ДРАГУН. Добрый вечер... Это квартира Драгуна? Прости, папа, я уже забыл твой голос... Прости меня... Недалеко... Да, в городе... Мне можно прийти? Ты, может, не так понял меня? Я говорю прийти совсем, домой прийти... Нет, машину не надо... Я пешком... Знаешь что: завари, пожалуйста, чаю... Большой чайник в васильках... Разбился? Ну, все равно завари... Чтобы на всю ночь хватило... Только чай... Пить мы не будем... У меня и так много тумана в голове... Я – скоро... *(Положил трубку, быстро собрал свои вещи, присел на секунду, обвел взглядом квартиру, выключил свет, вышел.)*

Звонит телефон.

Затемнение

Деревня. Шаргаева хата. За окнами шумит дождь.

Входит БУСЛАЙ.

БУСЛАЙ *(остановился у порога)*. Добрый день в хату...

Никто не ответил, БУСЛАЙ подошел к печи, руками и щекой прислонился к ней.

Ах ты моя родная... Теплая, ласковая, белая... *(Постоял, подошел к столу, взял краюху хлеба, ест.)*

На улице слышна песня. ШАРГАЕВ возвращается с поминок.

ШАРГАЕВ *(вваливается пьяный-пьяный)*. И-и-и никто не узнает... где могилка моя...

БУСЛАЙ *(положил хлеб)*. Здоров, Федя...

ШАРГАЕВ. Здоров... Льет, падла, в тридцать три струи, не считая брызг... Весна... Земля пить просит... Туман снег съест, солнышко пригреет, и трав... трав... ав... ав...

Глаза у Шаргаева вылезли из орбит. Остолбенел.

БУСЛАЙ. Федос! Слушай, Федос...

ШАРГАЕВ. Мау... ма...

БУСЛАЙ. Хватит мяукать, я сейчас все объясню.

ШАРГАЕВ (*смотрит сумасшедшими глазами*). И не боюсь! Потому что тебя нет... Нет тебя! (*Машет руками.*) Кыш! Кыш, могильная душа... Ну, выпил лишнее – вот и мерещится всякий опиум для народа... Кыш!

БУСЛАЙ. Ты узнал меня?

ШАРГАЕВ. И не боюсь! Я уж и чертей видел... Зелененькие! Водка все... Иди...

БУСЛАЙ. Куда идти?

ШАРГАЕВ. Домой, на кладбище... А меня не трогай... Я тебе могилку выкопал, все как полагается, крест там, вербу посадил, что тенек... Торопился, правда, чтоб на поминки не опоздать... Грех, знаю...

БУСЛАЙ. Да живой я, живой!

ШАРГАЕВ закрыл глаза и долго трясет головой. Открыл глаза.

Федос...

ШАРГАЕВ. Люди-и!

БУСЛАЙ. Тьфу!

ШАРГАЕВ подбежал к порогу, где стояли ведра с водой, зачерпнул полную кружку, вылил на голову.

Ну, очухался?

ШАРГАЕВ. Кто ты?

БУСЛАЙ. Андрей! Андрей Буслай...

ШАРГАЕВ. Кто тебя выкопал?

БУСЛАЙ. Откуда выкопал?

ШАРГАЕВ. Из могилы... Ты ведь помер, я тебя закопал часа два назад...

БУСЛАЙ. Это ошибка, Федя. Я же вот стою, разговариваю с тобой...

ШАРГАЕВ. И ущипнуть меня можешь?

БУСЛАЙ. Могу.

ШАРГАЕВ. Ущипни...

БУСЛАЙ подходит, щиплет его за руку.

Гы! Болит... А пощупать тебя можно?

БУСЛАЙ. Щупай, придурок!

ШАРГАЕВ (*осторожно трогает Буслая*). Теплый... так как же это? Постой. Как тебя зовут?

БУСЛАЙ. Я же тебе сказал...

ШАРГАЕВ. Говори, как зовут, зараза?

БУСЛАЙ. Андреем.

ШАРГАЕВ. Та-а-ак... А мать как зовут?

БУСЛАЙ. Чего ты допрашиваешь меня?!

ШАРГАЕВ. Говори, а то я креститься начну... Мне можно, я крещеный...

БУСЛАЙ. Марусей мать, отца – Митиком, тебя дурака – Федосом, председателя сельсовета – Потачуком!

ШАРГАЕВ. Потапчука сняли...

БУСЛАЙ. Что еще?

ШАРГАЕВ. Дай мне в ухо!

БУСЛАЙ. Иди ты!

ШАРГАЕВ. Со всего размаху дай... Я, может, соображать начну... Я же только-только с твоих поминок пришел... Все как положено... Посидели, помянули, выпили за упокой...

БУСЛАЙ. Вы чужого человека похоронили!

ШАРГАЕВ. Как это? Тебя же милиция мертвого нашла в Дубровенске...

БУСЛАЙ. Вот же я, вот!

ШАРГАЕВ. Вижу... И не понимаю... Если ты призрак, так должен быть холодным, а ты теплый... Все как положено... Свидетельство о смерти есть. Так что ты не заливай... Мы тебя правильно похоронили... По форме...

БУСЛАЙ. Ну а мать? Отец? Ты? Как же это вы не разобрались, что это не я? Не я! Не я!

ШАРГАЕВ. Так ты же испорченный был весь... Всю зиму под снегом... И гроб даже не открывали... Только портрет поставили сверху...

БУСЛАЙ. Господи! Живого похоронили... Крест поставили... Господи!!

ШАРГАЕВ. А ты не переживай... Все было как положено, по форме... Костюм тебе купили, галстук в крапинку, туфли модняцкие... Меня, таксать, как друга твоего, могилку попросили... Я постарался... ровненько, глубоко... там чей-то гроб старый попался, так я его аккуратно обошел, дно сосновыми ветками застелил, чтоб тебе, таксать, уютно было, удобно, сухо...

БУСЛАЙ *(истерично)*. Га-а-д!! *(Бьет Шаргаева по лицу.)*

ШАРГАЕВ *(покатился по полу, кое-как поднялся на колени, заплакал)*. Ну за что ты меня? За что? Сам знаю... Все знаю про себя... Знаю, что нельзя другу могилу копать... Грех... Но выпить, Андрюха, хотелось, выпить... Знал, что дадут... В горе люди щедрые... И на деньги, и на душу... Знал, что и на поминки позовут... Я ведь уже не живу, а только чарку ищу... От чарки до чарки... Шаргаем детей пугают... Я какой-то порог переступил, а дверь за мной хлоп и – закрылась... И вперед страшно, и назад дороги нет... За что ты меня? Я, может, тебе даже завидую, потому что ты уже отмучился...

БУСЛАЙ. Господи! Да что же это?

ШАРГАЕВ *(плачет)*. Смерть, Андрюха... Сука эта косяя... Твоя мать правду сказала: смотрит она мне в глаза... Ох, смотрит... Вчера, когда могилку тебе выкопал, сел на дне покурить... Сверху ветер студеный, слякоть, серое небо за землю цепляется, а в яме уютненько, тихо-тихо, глина желтенькая, сосновые веточки зеленые... землей пахнет. И думаю я себе, а может, тут и лучше? А, Андрюха? Может, и лучше?! *(Лег на пол, засыпает.)*

БУСЛАЙ неподвижно стоит посреди хаты.

Затемнение.

Хата Николая. Стол. На столе бутылка.

БУСЛАЙ напротив НИКОЛАЯ.

БУСЛАЙ (*рассказывает дрожащим голосом*). Пальто мое надел и побежал... Пошел, и с концами... Я его всю зиму ждал...

НИКОЛАЙ. Ну а семья, родственники? Неужели его никто не искал?

БУСЛАЙ. Какая семья, Коля? Какая у таких, как мы, семья? Поменялись мы с ним местами...

НИКОЛАЙ. Домой не заходил?

БУСЛАЙ. Ты что? К Шаргаю заглянул только...

НИКОЛАЙ. Он тебе могилу копал...

БУСЛАЙ. Знаю... Как же это вы так?

НИКОЛАЙ. Мы? А ты?

БУСЛАЙ. Что обо мне говорить?

НИКОЛАЙ. Не обижайся, но я даже обрадовался твоей смерти...

БУСЛАЙ. Да не моей! Это Бэра!

НИКОЛАЙ. Прости... Вот, думаю, и все... Кончились мои муки, моя боль... Десять лет сердце болит... Десять лет! Когда на вашей с Ниной свадьбе гулял – болело...

БУСЛАЙ. Где она?

НИКОЛАЙ. К матери пошла...

БУСЛАЙ. И Гришутка с ней?

НИКОЛАЙ. С ней... И когда Гришутка у вас родился, болело, и когда видел, что она ходила с припухшими от слез глазами... И когда пришла ко мне – тоже болело! Ну скажи, любил ли ты ее когда-нибудь хоть чуточку?!

БУСЛАЙ. Нет. Если бы любил, я бы до такого не дошел. Любовь человека ото всего спасает... Никого я не любил.

НИКОЛАЙ. Уже два года вместе живем... А она тебя любит... Целую, ласкаю ее – глаза закрывает, чтобы тебя на моем месте представить... За что? Чем ты заслужил это? Чем я не заслужил? Разве я хуже тебя?

БУСЛАЙ. Лучше, Коля, лучше... Потому и не заслужил... Меня всегда все жалели... А любовь с жалости начинается...

НИКОЛАЙ. А почему меня никто не пожалеет? Только потому, что не пью? Потому что нормальный? Но ведь и у меня живое сердце! Я ее со школы люблю!

БУСЛАЙ. И благодари Бога, что любишь... У тебя каждую секунду душа работает. Проси судьбу, чтобы не все у тебя гладко получалось... Чтобы изредка она тебе горе посылала... Через свое горе взглянешь на людей и пожалеешь... А я вот никого не жалел! А душа своего требовала... А я ее водкой глушил! Только кто я такой в сравнении с душой?! Мои похороны уже давным-давно состоялись, а не сегодня по ошибке... Уснула душа... Она не может, чтобы никого не жалеть, чтобы только тебя жалели! Она не может этого вынести!

НИКОЛАЙ. А тебя опять жалеть будут! Нина узнает, что ты жив, спасать побежит. Она же виноватой себя считает, что не уберегла тебя...

БУСЛАЙ. Человек сам себя беречь должен... Никто ни в чем не виноват.

НИКОЛАЙ. А я вновь один останусь...

БУСЛАЙ (*наклонился, зашептал*). Колька, прости ты меня...

НИКОЛАЙ. Ты ли в этом виноват? Как все несправедливо устроено...

БУСЛАЙ. Мне у всего света надо прощения просить... Так уж с тебя начну.

*Открывается дверь, входит МАТЬ. БУСЛАЙ вздрогнул,
от страха закрыл лицо ладонями.*

НИКОЛАЙ (*побелел*). Что? Что, тетка Маруся?

МАТЬ. А где Нинка?

НИКОЛАЙ. К матери пошла... Тяжело ей тут... со мной... Я понимаю...

МАТЬ (*кивнула на бутылку*). Поминаете?

НИКОЛАЙ (*нервно*). Поминаем.

МАТЬ. Микола, сынок, не обижайся ты на меня, дуру старую.

НИКОЛАЙ. Что вы, тетка? За что обижаться?

МАТЬ. За то, что разные слова на тебя говорила сегодня... Прости меня... Все, что ты за столом говорил, – чистая правда... Только матери ли ее слушать?

НИКОЛАЙ. И вы меня простите...

МАТЬ. А о нем не надо думать плохо... Хорошим, добрым вспомнить не можешь, так хоть уж совсем не вспоминай.. Пускай он там лежит спокойно... Хорошо?

НИКОЛАЙ. Хорошо...

МАТЬ. Ну а послезавтра на три дня приходите... Вместе с Ниной... И Гришутку приведите... Пускай за столом посидит... Мне легче будет.

НИКОЛАЙ. Хорошо... хорошо, тетка...

МАТЬ (*Буслаю*). И ты, детка, приходи... Знал-то, наверное, нашего Андрея?

БУСЛАЙ (*упавшим голосом*). Ага...

МАТЬ. Приходите, детки... (*Уходит.*)

Пауза. БУСЛАЙ отнимает от лица ладони. НИКОЛАЙ бросился к нему.

НИКОЛАЙ. Андрей! Ты что?! Ты слышишь меня? На, на, выпей... (*Наливает водки.*) Ничего... Я сейчас ее догоню, все объясню. Тут я не мог... Она бы не выдержала...

БУСЛАЙ. Во-о-от... Вот она, расплата... За все!!

НИКОЛАЙ (*хватает пальто*). Я сейчас, сейчас...

БУСЛАЙ (*повис на руках у него*). Стой! Стой, Коля! Не надо ничего! Не надо! Так и должно быть... Пусть все так и останется... Отплакала-отголосила, ей ведь теперь легче будет... И тебе, и Нине, и отцу... Всем! Довольно! Вы и так намучились со мной... Могила моя есть на кладбище, свидетельство о смерти есть... Зачем вам опять эта мука? У меня только одна дорога... Туда... Я свой порог переступил... Я жил не по-человечески, так хоть умереть надо нормально, хоть смертью отплатить вам за все...

НИКОЛАЙ. Что ты мелешь?

БУСЛАЙ. Бэру искать никто не будет, меня не найдут... Я так все сделаю, что никто не найдет...

НИКОЛАЙ. Пусти!

БУСЛАЙ. Я только к Шаргаю заходил... Он пьяный, подумает, что приснилось, да и кто ему поверит? А ты не говори никому... А, Коля? Я трезвый сегодня, я правду говорю...

НИКОЛАЙ (зло). Гад ты! Гад! Ты что мне предлагаешь? Я лучше сдохну от собственного горя, чем возьму такое на душу... Пусти! (Оттолкнул Буслая, выбежал.)

БУСЛАЙ опустил на пол, какое-то время неподвижно сидел, потом подходит к столу, наливает полный стакан водки, подносит ко рту, хочет выпить... И вдруг швыряет стакан на пол. Стакан разбивается. БУСЛАЙ идет к двери. Из другой комнаты выходит заспанный ГРИШУТКА.

ГРИШУТКА (у него даже глаза еще закрыты). Папочка...

БУСЛАЙ вздрогнул и взглянул на мальчика.

БУСЛАЙ. Гришутка... Сыночек мой...

ГРИШУТКА. А где папа Коля?

БУСЛАЙ. Он ушел... На улицу ушел...

ГРИШУТКА. Волков прогонять?

БУСЛАЙ. Ага... Волков...

ГРИШУТКА. И мамка волков гоняет?

БУСЛАЙ. И мамка...

ГРИШУТКА. Ты кто?

БУСЛАЙ. Никто... Так, зашел... Погреться...

ГРИШУТКА. А я тебя знаю... Ты сегодня лежал в ящике у бабы Маруси...

И еще на картинке с черным бантиком был... Баба Маруся плакала, и мамка плакала и целовала меня, а еще тебя в лес возили и в яму закапывали... А у меня шапку отобрали, ушкам холодно было... А ты убежал из ямы?

БУСЛАЙ. Убежал...

ГРИШУТКА. Холодно тебе там было?

БУСЛАЙ. Холодно, сыночек, холодно...

ГРИШУТКА. А ты прячься, чтобы тебя не нашли и опять не закопали...

БУСЛАЙ. Можно, я тебя поцелую, сыночек?

ГРИШУТКА. Нет, дядя, ты колючий...

БУСЛАЙ подходит к мальчику, становится перед ним на колени.

БУСЛАЙ. Прости, Гришутка... Прости, родной мой, прости, маленький... Только ты один прости, а с миром я примирюсь... Прости... Прости... Прости... (Склоняется к маленьким ножкам, целует их и плачет...)

ГРИШУТКА. Дядя, дяденька, не надо плакать... Это только плохие дети плачут... Ты лучше сказку расскажи... Мне папа Коля всегда рассказывает...

БУСЛАЙ (берет мальчика на руки). Сейчас, сейчас, сыночек... (Прижимает к себе.) Жил-был... (Вспоминает.) Жили-были... (Силится вспомнить.) Жили-были... (С ужасом.) Не помню... (Опускается на пол.)

Почти одновременно в хату вбегают МАТЬ, ОТЕЦ, НИКОЛАЙ и НИНА.

Все останавливаются у порога. Смотрят.

(Качает сына на руках.) Не помню... Не помню... Не помню...

З а н а в е с .